

РАЗДЕЛ VI. Лингвокультурология и страноведение

ББК 81.2Р
УДК 811.161.1

*Л.А. Гараева¹,
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска,
larga12@yandex.ru*

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ПОДГОТОВИТЬСЯ / ГОТОВИТЬСЯ К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ’ В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XII–XVII ВЕКОВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты концепта «война» в древнерусских воинских повестях XII–XVII в., в частности, особенности функционирования в них устойчивых словесных комплексов (УСК) со значением ‘подготовиться /готовиться к военным действиям’, входящих в ядро семантического поля ‘воевать’. Цель статьи – показать, какие качества русского человека ценились в древности перед лицом военной опасности, как древнерусские писатели изображали русских воинов и неприятелей, в чем состоит жанровое своеобразие воинской повести. При анализе обращается внимание на структуру УСК, взаимодействие компонентов, наличие вариантов, приводятся многочисленные цитаты. Выявляются терминологические и нетерминологические УСК. Анализ помогает выявить некоторые черты древнерусской и старорусской картин мира.

Ключевые слова: концепт, семантическое поле, устойчивый словесный комплекс, древнерусская воинская повесть, варианты

Концепт «война» является одним из культурно значимых для русского народа концептов, поскольку история нашего государства сложилась таким образом, что на судьбу едва ли не каждого поколения приходилась война. Вот почему военная лексика и фразеология составляют огромный пласт русского языка.

¹ Гараева Лариса Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, главный библиотекарь Муниципального бюджетного учреждения культуры «Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска

При этом исследование данного концепта проводится в последние годы преимущественно на материале современных языков – русского, немецкого, английского, китайского (см. работы Л. И. Ахметсагировой [2], Л. Н. Венедиктовой [5], Р. А. Полончук [17], М. А. Потапчук [18] и др.). Из классических работ по изучению древнерусской военной лексики можно назвать лишь написанную в 70-е годы XX века монографию Ф. П. Сороколетова [20] и несколько диссертаций, посвященных анализу языка отдельных памятников (см. работы Кутиной [13], Абдульмановой [1], Гарибян [11] и др.); см. также статью А. И. Васильева [4] и диссертацию Л. В. Горбань [12]. Изучение древнерусской военной фразеологии мною было начато в 90-е годы XX в. – см. [10] – и позднее было продолжено, что нашло отражение в статьях [8], [9] и др.

В данной работе будут рассмотрены особенности функционирования в древнерусских воинских повестях некоторых устойчивых словесных комплексов (УСК) со значением ‘подготовиться / готовиться к военным действиям’, образующих ядерную группу семантического поля ‘воевать’ концепта «война».

Римский военный писатель Вегетий когда-то написал: «Если хочешь мира, готовься к войне» [3, 749]. Это хорошо понимали наши далёкие предки. Вот почему устойчивые словесные комплексы (УСК) со значением «подготовиться / готовиться к военным действиям» занимают важное место в древнерусских воинских повестях XI–XVII веков. Среди них можно выделить следующие группы: 1) УСК, обозначающие процесс расстановки войска; 2) УСК, характеризующие принятие присяги; 3) УСК, обозначающие получение благословения у отцов церкви; 4) УСК, описывающие военное совещание князя со своими соратниками.

Процесс расстановки частей войска описывается с помощью следующих УСК: *урядити пълки, испълчити пълки, събрати силу* (3 ед.). К ним примыкают по смыслу единицы, находящиеся на периферии семантического поля ‘воевать’ и указывающие на направления расстановки сил (*въ правой рукѣ, въ лъвой рукѣ*), а также предикативный УСК *сила събиралась*, являющийся вариантом ядерной единицы *събрати силу*, и УСК *стукъ стучить, громъ гремитъ*.

Здесь мы наблюдаем различие в функционировании устойчивых словесных комплексов, обусловленное их семантикой. УСК *събрати силу*, как и его вариант *сила събиралась*, употребляется только тогда, когда речь идет о подготовке к сражению неприятеля. Например: «И събравъ остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном итти на Рускую землю» («Сказание о Мамаевом побоище», XV в.) [7, 234];

«И сего ради нечестивый лють гнѣвашеся <...> И нача сверѣло и напрасно силы своя сбирати, <...> хотя пленити христианъ» («Пространная летописная повесть о Куликовской битве», XV в. [16, 112]; «... царь Брагим <...> повеле указы писати, <...> к королям и к пашам, да збирают силу» («Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении», начало XVII в.) [6, 91].

Таким образом, слово *сила* последовательно употребляется древнерусскими авторами для называния вражеского войска, и этим подчеркивается грозный, внушающий ужас вид врага, его многочисленность. Благодаря данной особенности враги выступают сплошной безликой массой, лишенной каких бы то ни было человеческих качеств. Значение УСК *събрати силу* является эмоционально окрашенным и содержит семы ‘грозный’, ‘внушающий трепет’.

УСК *урядити пълки* является эмоционально и стилистически нейтральным, поэтому он используется для описания подготовки к сражению обеих сторон. При этом он имеет несколько фонетических, морфологических и синтаксических вариантов. Например: «... князь великий Дмитрий Иванович <...>, изрядивъ полки, поиде противу поганых...» («Пространная летописная повесть», XV в.) [16, 122]; «...повелъ царь в тот часъ 60 грозныхъ воеводъ на полъ полки великия урядить» («Повесть о граде Вавилоне». Конец XV в.) [7, 392]; «Король же литовский Степан <...> начаша полки розряжати ...» («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», конец XVI в.) [7, 311]; «Воеводы <...>, урядивше полки вылазных людей, приидоша в церковь...» («Сказание» Авраамия Палицына. Начало XVII в.) [7, 401].

Самым частотным является вариант *урядити пълки*.

В «Пространной летописной повести о Куликовской битве» трижды используется УСК *испълчити пълки* в нескольких вариантах. Например: «... яко великий ратници и воеводы опълчиша своя пълки...» [16, 118]; «Князь же великий исполчи полки своа велици...» [16, 120]; «исполчишася татарстии полци противу хрестъан...» [16, 122].

Как видно из приведенных примеров, УСК *испълчити пълки* тоже не имеет определенной функциональной прикрепленности; это, вероятно, показывает, что древнерусские писатели не видели разницы в построении русского и неприятельского войск или же считали эту разницу несущественной для передачи своей художественной идеи.

Но между двумя этими единицами есть и существенные различия. УСК *урядити пълки* зафиксирован нами в разных воинских повестях, а УСК *испълчити пълки* – только в одной (хотя, возможно,

используется в не исследованных нами древнерусских памятниках). Кроме того, вторая единица имеет тавтологическое построение, а это значит, что её значение содержит определённую коннотацию. В древности слово *пѣлкъ* имело значение ‘народ, толпа’. Вероятно, в период создания «Пространной летописной повести о Куликовской битве» (в начале XV в.) носителями русского языка ещё ощущалась связь терминологического значения слова *пѣлкъ* с его древним значением, поэтому двукратное повторение корня *пѣлк-* в составе главного и зависимого компонентов УСК способствовало появлению в его семантике дополнительного признака ‘многочисленные, грозные’.

УСК *урядити пѣлки* не имеет предикативного варианта вследствие особенности значения его глагольного компонента. А УСК *испѣлчити пѣлки* предикативный вариант имеет, поскольку еще не утрачена связь военного значения слова *пѣлкъ* с его древним значением ‘народ’. Существительное *пѣлки* в составе данного УСК можно считать синонимом к существительному *сила* в значении ‘войско’. Поэтому и становится возможным путем олицетворения образовать вариант *испѣлчишася пѣлци*.

Данный вывод подтверждает мнение фразеологов о том, что в составе тавтологических УСК один компонент часто усиливает значение другого. «Для редупликатов характерна функция интенсификации, то есть актуализации выражения высокой степени качества или интенсивности действия. В редупликатах выражено то же значение, что и в основном (как правило, именном) компоненте лексемосочетания, тогда как на долю второго компонента падает функция усиления этого значения» [19, 53].

Вторым важнейшим этапом подготовки к сражению было принятие присяги. Понятие ‘дать / давать клятву, присягнуть’ передается в воинских повестях с помощью УСК *имѣти присягу / клятву къ кому-л., дати цѣлование, дати правду, рядитися въ рядъ у кого-л.* (4 ед.). Эти единицы входят в ядро поля ‘воевать’. Но, кроме них, на периферии поля есть еще несколько УСК, значение которых связано с понятием ‘дать клятву’. Это УСК *въ правдѣ устояти, приводити къ (крѣстному) цѣлованию, крѣстное цѣлование / цѣлование крѣста, измѣнные люди* (4 ед.).

Рассматривая ядерные единицы со значением ‘дать / давать клятву’, можно обнаружить, что понятие ‘клятва’ передается в них с помощью четырёх существительных: *клятва, присяга, цѣлование, правда*. Терминологическим военным значением обладало только слово *присяга* – ‘клятва священным предметом (первоначально

сопряженная с прикосновением к нему)» [21, II, ч. 2, 1476]. «В Древней Руси самая важная присяга была на оружии» [21, I, ч. 2, 1236].

Именно поэтому УСК *имѣти присягу* употребляется в воинских повестях для обозначения клятвы в верности русскому князю. Например: «Елико хотите вотчины рускія, одарю вас, но токмо присягу имѣйте ко мнѣ». («Сказание о Мамаевом побоище». XV в.) [7, 207]

У слова *клятва* основным было значение ‘обет’, а значение ‘присяга’= ‘военная клятва’ отмечено И. И. Срезневским в качестве второго [21, I, ч. 2, 1236]. Вероятно, этим объясняется употребление УСК *имѣти клятву* тогда, когда описывается принятие обязательств перед богом. Например: «... да имѣемъ клятву от бога...». («Походы Святослава». XII в.) [7, 21]

Наличие двух разных УСК – *имѣти присягу* и *имѣти клятву* – в древнерусских воинских повестях позволяет нам сделать вывод о том, что перед началом сражения русские воины произносили клятву дважды: перед Богом и перед своим военачальником.

Если главными чертами личности идеального князя в представлении древнерусских писателей до XV века были храбрость и щедрость, то «... единственное отмечаемое достоинство [народа] – верность князю, верность феодалу. Чтобы возвеличить князя, надо подчеркнуть преданность ему его людей, готовность их в любое время выступить со своим князем по его призыву. Верность – основная положительная черта и народа, и вассалов князя в изображении летописца» [15, 43-45]. Вот почему такое важное место в языке древнерусских воинских повестей занимают УСК, обозначающие принятие присяги.

Часто клятва сопровождалась целованием креста, и для отражения этого явления в древнерусском языке существовали определенные УСК. По-видимому, УСК *дати цѣлование* является сокращенным вариантом УСК *дати крѣстное цѣлование*, который зафиксирован в словаре И. И. Срезневского [21, I, ч. 1, 633]. Редукция компонента *крѣстное*, вероятно, стала возможна из-за широкой употребительности УСК *крѣстное цѣлование*. Например: «И дасть последнее целование великой княгине Агрепене Ростиславне...» («Повесть о разорении Рязани Батыем», Волоколамский список XVI в.) [6, 11].

УСК *дати правду* тоже имеет значение ‘покаяться’, которое обусловлено семантикой зависимого компонента: Срезневский отмечает у слова правда в качестве неосновного, третьего значения семему присяга [21, II, ч. 2, 1357]. Кроме того, слово *правда* в древнерусском языке обозначало еще ‘свод законов’. Таким образом, существовала тесная семантическая связь между словами *присяга*,

правда (=истина), *закон*, поэтому присяга, данная князю перед началом сражения, имела силу закона, и нарушившие её строго карались. Причем *давали правду* перед началом сражения не только русские, но и вражеские воины. Например: «Мамаевы же князи шедше с конь своих и биша челомь царю Тахтамышу, и даша ему правду по своей вѣре и яшася за него». («Пространная летописная повесть о Куликовской битве». XV в.) [16, 130]

Таким образом, мы увидели, что среди УСК, описывающих процесс подготовки к военным действиям, есть как единицы, использующиеся только при описании русских воинов, так и УСК, употребляющиеся недифференцированно; среди них есть как терминологические единицы, так и УСК с компонентами нетерминологического характера. Военные УСК, выявленные нами в воинских повестях XII–XVII веков, весьма пёстрые по своему составу, что говорит о их длительном функционировании и активном использовании в произведениях разных жанров.

Литература

1. Абдульманова, А. К. Общественно-политическая и военная лексика «Казанского летописца»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. К. Абдульманова. – Куйбышев, 1966. – 15 с.
2. Ахметсагирова, Л. И. Языковая картина мира сквозь призму фразеологии военной сферы (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. И. Ахметсагирова. – Казань, 2010. – 22 с.
3. Бабичев, Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов: 2 500 единиц / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. Под ред. Я. М. Боровского. – М.: ТЕРРА, 1997. – 960 с.
4. Васильев, А. И. Устойчивые названия оборонительных сооружений Древней Руси / А. И. Васильев // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 232–238.
5. Венедиктова, Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира: сопоставительное исследование на материале английского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук / Л. Н. Венедиктова. – Тюмень, 2004. – 180 с.
6. Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 358 с.
7. Воинские повести Древней Руси / Сост. Н. В. Поньрко. – Л.: Лениздат, 1985. – 495 с.
8. Гараева, Л. А. Функционирование устойчивых словесных комплексов, обозначающих способ ведения боевых действий,

в древнерусских воинских повестях XII–XVII веков и их отражение в словарях / Л. А. Гараева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 370–374.

9. Гараева, Л. А. Устойчивые словесные комплексы, обозначающие начало и конец военных действий, как материал для лексикографирования (по текстам воинских повестей XII–XVII веков) / Л. А. Гараева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2 (24). – С. 252–256.

10. Гараева, Л. А. Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей XII–начала XVII веков (структурный и идеографический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. А. Гараева. – Челябинск, 1997. – 19 с.

11. Гарибян, Дж. А. Лексика и фразеология Азовских повестей 17 в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Дж. А. Гарибян. – М., 1956. – 17 с.

12. Горбань, Л. В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: дисс. ... канд. филол. наук / Л. В. Горбань. – Мурманск, 2008. – 195 с.

13. Кутина, Л. Л. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. (Из истории русского литературного языка XVII в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. Л. Кутина. – Л., 1953. – 23 с.

14. Ледяева, С. Д. Из истории формирования русской военной лексики XI–XIII веков / С. Д. Ледяева // Ледяева С. Д. Очерк по исторической лексикологии русского языка. – Кишинёв: Штиинца, 1980. – С. 7–58.

15. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. – Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1987. – С. 3–164.

16. Памятники литературы Древней Руси: XIV–серед. XV в./ Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. – М.: Худож. лит, 1981. – 606 с.

17. Полончук, Р. А. Исследование фразеологизмов военной сферы в китайском языке / Р. А. Полончук // Актуальные вопросы филологических наук. Материалы V Международной научной конференции. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Бук» (Казань), 2017. – С. 25–27.

18. Потапчук, М. А. Концепт «война» в русском языке и культуре / М. А. Потапчук // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 4. – С. 48–52.

19. Ройзензон, Л. И. Русская фразеология: учеб. пос. / Л. И. Ройзензон. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1977. – 420 с.

Л.А. Гараева

20. Сороколетов, Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) / Ф. П. Сороколетов. Отв. ред. Ф. П. Филин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.

21. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский: в 3 т. и 6 кн. – Репринт. изд. 1893 г. – М.: Книга, 1989.

SUSTAINED VERBAL COMPLEXES WITH THE MEANING
“BE PREPARED/GET READY FOR MILITARY ACTION” IN OLD
RUSSIAN MILITARY STORIES OF XII–XVII CENTURIES

L. A. Garayeva

Abstract

This article examines some aspects of the concept "(war)" in Old Russian military stories of XII–XVII centuries, in particular the functioning of sustained verbal complexes (SVC) within them with a meaning ‘be prepared/get ready for military action’, included in the core of semantic fields of the word ‘(to make war)’. The purpose of this article is to show which qualities of a Russian man had been valued in ancient times, in the face of military danger, the way Old Russian writers portrayed Russian soldiers and their enemies, what the peculiarity of genre of military novels is. In the analysis, the author draws attention to the structure of SVCs, components interaction, available options, and provides numerous quotes. Terminological and non-terminological SVCs are identified. The analysis helps to reveal some of the characteristics of ancient Russian and old Russian worldview.

Keywords: concept, semantic field, sustained verbal complex, old russian military novel, options

Поступила в редакцию 4.10.2018